

СТЕЦКО Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры Мировой политики факультета международных отношений СПбГУ

ФИЛАТОВА Ольга Георгиевна

кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета»

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕАЭС: АНАЛИЗ РИСКОВ

В статье анализируются основные направления цифровой трансформации в рамках ЕАЭС и дается анализ возможных рисков. Предложена классификация рисков, рассмотрены уже имеющиеся прогнозы развития цифровой экономики в России и ЕАЭС с учетом выявленных рисков, а также с учетом имеющихся экономических диспропорций и политических факторов. Авторы предлагают свои сценарии развития цифровой трансформации и перехода к электронному управлению в формате ЕАЭС

Ключевые слова: Цифровая повестка, цифровая трансформация, ЕАЭС, риски, прогнозы, сценарии.

STETSKO Elena Vladimirovna

Ph.D. in philosophy, associate professor of World politics sub-faculty of St. Petersburg state University

FILATOVA Olga Georgievna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of sub-faculty of Public Relations in politics and Public Administration, School of Journalism and Mass communications, St. Petersburg state University

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE EEU: RISK ANALYSIS

The article analyzes the main directions of digital transformation within the EEU and analyzes possible risks. The classification of risks is offered, already available forecasts of development of digital economy in Russia and the EEU taking into account the revealed risks, and also taking into account the available economic imbalances and political factors are considered. The authors propose their own scenarios for the development of digital transformation and transition to e-government in the EEU format.

Keywords: Digital agenda, digital transformation, EEU, risks, forecasts, scenarios.

Стецко Е. В.

Филатова О. Г.

Проникновение цифровых и информационно-коммуникационных технологий в различные отрасли экономики и промышленности, деятельность органов государственной власти и управления, а также повседневную жизнь граждан является глобальной тенденцией в мировом масштабе и в полном мере относится к странам Евразийского экономического союза¹.

Целью данной статьи является рассмотрение основных направлений и выгод цифровой трансформации в рамках ЕАЭС, а также, главным образом – анализ рисков, которые возможны на этом пути. В ходе рассмотрения рисков будет предложена их классификация и возможные пути их преодоления. В заключение, в качестве дискуссионного аспекта, авторы предлагают свои сценарии развития цифровой трансформации и перехода к электронному управлению в формате ЕАЭС.

Базовой теорией, которая используется в качестве методологической основы данной статьи, является *неоинституционализм* – в трудах своих видных представителей – Рональда

Коуза², Джона Кеннета Гэлбрита³, Дугласа Норта⁴. ЕАЭС является институтом, созданным на основе межгосударственного договора («правил игры») с целью получения взаимных экономических выгод. На настоящем этапе становится понятно, что минимизации транзакционных издержек на этом пути будет способствовать принятая (единая для всех) цифровая повестка. Её реализация должна послужить снижению трансформационных издержек – скорейшей модернизации экономики стран ЕАЭС.

Мы используем также *прагматический подход* к евразийской интеграции, который основан на понимании ее не как цели, а как инструмента решения экономических проблем вовлеченных государств, главной из которых на сегодняшний день является модернизация экономик.

В качестве исследовательской методологии в статье также используется *концепция регионализма*, предложенная ван Лангенхофом и Костеа в 2005 г.⁵ Согласно представлениям

1 Фархутдинов И.З. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. – 2008. – № 5. – С. 103-109; Фархутдинов И.З. ЕврАзЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8-9.

2 Coase, R. H. The Nature of the Firm// *Economica*, New Series, Vol. 4, No. 16., pp. 386-405. (1937).

3 Galbraith, J. K. *Economics and the public purpose*. Boston; Toronto; London: Houghton Mifflin Company, 334 p. (1973).

4 North, D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press (1990).

5 Van Langenhove, L., Costea, A.-N. The EU as a Global Actor and the Emergence of Third Generation' Regionalism. *UNU-CRIS Occasional*

указанных ученых, глобальная интеграция государств в определенном регионе проходит три стадии: на первой стадии устанавливаются основные экономические взаимоотношения, на второй происходит интеграция политических процессов, на третьей, завершающей, – комплексная интеграция, при которой регион выступает как участник глобальных взаимодействий. То есть, если говорить о евразийской интеграции, то, несмотря на некоторый прогресс, она не преодолела еще первую стадию. В настоящее время осуществляется развитие институциональной и организационно-правовой базы Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Пройден важный этап, связанный с подготовкой и утверждением стратегического документа «Цифровая повестка Евразийского экономического союза». На заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) были утверждены основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза (ЕАЭС) до 2025 года.⁶ Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года разработаны в соответствии с Заявлением о цифровой повестке⁷, которое было подписано на заседании ВЕЭС 26 декабря 2016 года, а также на основе результатов деятельности рабочей группы по выработке предложений по формированию цифрового пространства ЕАЭС. Анализ указанных документов (а также ряда других документов ЕАЭС) явился важной частью изложенного ниже исследования.

Методологическим приёмом в ходе исследования стало рассмотрение *рисков*, возникающих в процессе цифровой трансформации. Современная социология в лице Ульриха Бека и других рассматривает наше общество как общество риска.⁸ Конкретными инструментами для выявления рисков и построения сценарных прогнозов развития цифровой трансформации ЕАЭС стали, помимо традиционного анализа документов, вторичный анализ данных, статистический анализ, а также методы моделирования и прогнозирования.

Цифровая повестка и цифровая трансформация ЕАЭС: основные направления и планируемые результаты. 11 октября 2017 года страны ЕАЭС утвердили основные направления цифровой повестки союза до 2025 года.⁹ К направлениям развития цифровой экономики в рамках данного документа относятся:

- цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация;
- цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и труда;
- цифровая трансформация процессов управления и интеграционных процессов;
- развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов.

Каждое направление определяет специальный круг вопросов сотрудничества при обсуждении инициатив в сфере развития цифровой экономики. Стороны используют общую рамку направлений для систематизации предложений о со-

трудничестве в рамках Цифровой повестки, подготовки и реализации совместных проектов.¹⁰

Необходимо отметить, что ключевым отличием «цифровой трансформации» от автоматизации и информатизации является создание новых возможностей и построение новых процессов деятельности, а не просто повышение эффективности существующих процессов.

Процесс цифровизации в широком смысле представляет собой процесс переноса в цифровую среду функций и деятельностей (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями. Для цифровой трансформации недостаточно внедрения новых информационных технологий, нужны новые бизнес-модели. Поэтому можно сказать, что цифровая экономика, на построение которой направлены совместные усилия ЕАЭС – это система экономических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий. Эта новая система предполагает и инновации в менеджменте, которые происходят уже не на уровне государства, а на уровне интеграционного объединения – ЕАЭС.

Очевидно, что основными пользователями результатов интеграции в ЕАЭС должны быть граждане государств-членов (гражданское общество), хозяйствующие субъекты (бизнес), сотрудники органов государственной власти и управления государств-членов.

Однако, наряду с прогнозируемыми преимуществами цифровой трансформации и развития цифровой экономики в рамках Евразийского Экономического Союза, стоит учитывать и серьёзные риски. Безусловно, есть возможности их преодоления, но степени реализации этих возможностей также, скорее, должны будут отнесены к рискам. Анализ этих рисков позволяет сделать несколько сценарных прогнозов относительно будущего цифровой трансформации.

Оценка рисков цифровой трансформации в формате ЕАЭС. В прогнозе развития рисков цифровой трансформации интеграционных процессов в ЕАЭС, на наш взгляд, необходимо учитывать риски трёх уровней:

1. Общие риски, присущие всем странам и интеграционному объединению в целом – в процессе цифровой трансформации экономики при сохранении разных скоростей интеграции и политического суверенитета.
2. Риски, связанные с цифровым разрывом и усугублением его по мере модернизации и цифровизации экономики.
3. Потенциальные риски при внедрении модели электронного управления.

Рассмотрим данные группы рисков подробнее.

Общие риски. Понимание общих рисков зафиксировано в документе «Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года».¹¹ Основные вызовы и риски связаны с невключенностью стран Союза в глобальные, макрорегиональные (ОЭСР, ШОС, ЕС и др.) и региональные процессы изменений, связанные с цифровой трансформацией, формированием новых ин-

Papers, 0–2005/14

6 Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act>

7 Заявление о цифровой повестке ЕЭС. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup>

8 Beck, U. World Risk Society. Cambridge: Polity Press (1998)

9 Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act>

10 Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act>

11 Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%BA%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%A6%D0%9F%20.pdf>

Таблица 1. Разрыв в показателях цифровой трансформации внутри стран ЕАЭС

Страна	Индекс цифрового внедрения. Общий балл	Индикатор бизнеса	Индикатор людей	Индикатор правительства
Армения	0,67	0,48	0,82	0,72
Беларусь	0,52	0,43	0,76	0,36
Кыргызстан	0,49	0,37	0,60	0,50
Казахстан	0,63	0,32	0,73	0,83
Российская Федерация	0,71	0,37	0,62	0,52

Табл.2. Темпы развития цифровых технологий стран ЕАЭС.

Страна	2015 Индекс развития ИКТ (место в рейтинге из 167)	Рейтинг в 2010 г	2015-2017 Глобальный рейтинг конкурентоспособности (из 140)	Рейтинг в 2014-2015 (из 144)	2015 Рейтинг сетевой готовности (из 143)	Рейтинг в 2014 (из 144)
Армения	76	78	82	85	58	65
Беларусь	36	50	Данные не доступны	Данные не доступны	Данные не доступны	Данные не доступны
Кыргызстан	97	112	102	108	98	118
Казахстан	58	62	42	50	40	43
РФ	45	46	45	53	41	54

дустрий и рынков, а также с отсутствием стратегически выверенной и согласованной позиции по трансформации Союза.

Эти общие риски могут быть дополнены ещё несколькими важными позициями, характеризующими нынешнее положение дел. Они высказывались экспертным сообществом:

- трудность перестройки корпоративной культуры и бизнес-процессов;

- довольно серьезная нехватка квалифицированных кадров в ИКТ-сфере («по данным Минкомсвязи, ежегодно вузы выпускают порядка 25 000 ИТ-специалистов. Например, на российском рынке работает около 400 000 программистов, а в США их на порядок больше — 4 млн, в Индии — 3 млн и в Китае — 2 млн»);¹²

- неблагоприятная экономическая ситуация, влияющая на инвестиции компаний в основные средства, и в том числе, в приобретение и внедрение новых технологий;

- административный пресс, обременительное регулирование инновационными процессами в экономике со стороны чиновников;

- использование на предприятиях недостоверных, несистематизированных, непригодных для анализа данных;

- необходимость скорейшего создания законодательной базы.¹³

Из указанных выше рисков ключевыми направлениями, требующими принятия неотложных мер, являются проблема нехватки кадров (образовательные риски) и создание законодательной базы. Работа по решению этих проблем должна стать первоочередной потому что, во-первых, она не зависит от внешнеэкономической конъюнктуры, а только от грамот-

ного стратегического планирования и политической воли; во-вторых, успехи в этом направлении существенно повлияют на преодоление остальных трудностей.

Риски, связанные с цифровым разрывом, можно разделить на три вида: разрыв в показателях цифровой трансформации внутри стран ЕАЭС; разрыв и отставание от ведущих интеграционных объединений; и прогнозируемое усиление цифрового неравенства в процессе цифровой трансформации ЕАЭС. Разрыв в показателях цифровой трансформации внутри стран ЕАЭС. Этот разрыв лучше всего иллюстрирует ранжирование, проведённое Всемирным Банком и Международным Телекоммуникационным Союзом, согласно Индексу цифрового внедрения, который показывает внедрение цифровых технологий в каждой из стран ЕАЭС. Количественные результаты отражены в таблице 1.¹⁴

Анализируя таблицу, можно заключить, что каждая из стран имеет свои проблемы в аспекте внедрения цифровых технологий в общественную жизнь, бизнес и управление. Наиболее слабым звеном, в целом, является Кыргызстан. Серьёзной проблемой представляется низкая степень внедрения цифровых технологий и их использования в правительстве РФ, Беларуси и Кыргызстане, что говорит о слабой готовности чиновников работать в новом формате. Ещё более низкие показатели – в сфере бизнеса, причём у всех союзных государств. Этот показатель наводит на мысль о том, что процесс построения интеграционной цифровой экономики не будет быстрым. По некоторым оценкам, займёт до 10 лет.

Разрыв и отставание от ведущих интеграционных объединений. Частично этот разрыв представлен в таблице 2.¹⁵ Сравниваются два индекса – индекс развития ИКТ и индекс сетевой готовности. По ним выстраиваются соответствующие

12 Чигарева, И. Исторические параллели: цифровая экономика рискует повторить судьбу малого бизнеса // Forbes, 20.06.2017 (2017). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.forbes.ru/biznes/346503-istoricheskie-paralleli-cifrovaya-ekonomika-riskuet-povtorit-sudbu-malogo-biznesa>

13 Цифровизация экономики // Бизнес и информационные технологии (2017). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bit.samag.ru/uart/more/67>

14 Навас-Сабатер Х. Перспективы получения цифровых дивидендов в ЕАЭС (2016). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/2016-10-27.aspx>

15 Там же.

рейтинги, которые сравниваются с глобальным рейтингом конкурентоспособности. И хотя зависимость далеко не прямая, т.к. рейтинг конкурентоспособности учитывает множество показателей (инфляция, налоговые ставки, коррупция, доступ к финансированию, налоговое регулирование, политическая нестабильность, неэффективность государственного управления, валютное регулирование), но она есть. Однако, в данном случае, нельзя не учитывать и благоприятный фактор: находясь в примерно равных условиях относительно цифровой трансформации, страны ЕАЭС могут изначально устанавливать свои правила игры и формировать свои, выгодные для участников платформы, экономические возможности и законодательство.

Усиление цифрового неравенства в процессе цифровой трансформации ЕАЭС. Прежде всего, цифровая трансформация пространства ЕАЭС может привести к развитию социальных диспропорций в результате возникновения так называемых «анклавов».¹⁶ Эти анклавы будут представлять собой «умные города», высокотехнологичные центры, финансовые центры (центры взимания ренты). Это процесс закрепит то неравенство, которое сложилось в индустриальную и постиндустриальную эпоху. Для стран ЕАЭС это особенно опасно, т.к. отдельные регионы не прошли стадию индустриализации. Таким образом, возможно новое социальное деление, социальная стратификация и появление новых стандартов жизненного уровня, которые могут привести в будущем к росту социальной напряженности. Для преодоления этого риска в будущем должна быть выстроена новая социальная модель отношений внутри различных социальных групп и элит.

Потенциальные риски при внедрении электронного управления. К этим рискам можно отнести: *технологический, временной и управленческий*. Под технологическим риском понимается неэффективность создаваемых цифровых продуктов для формирования платформ цифровой экономики и управления. Противодействие этому риску возможно путём создания эффективных экспертных служб, состоящих из представителей заинтересованных сторон и разработчиков программ.

Временной риск означает отставание внедрения цифровой экономики в ЕАЭС от темпов ее роста в мире. Это также может привести к становлению ЕАЭС периферией глобальной экономики и, распаду союза как неэффективного образования. Противодействие риску: инвестиции в цифровую трансформацию и образование.

Управленческий риск включает в себя недостаток политической воли у руководства стран, также неготовность к взаимодействию руководителей регионов и предприятий стран ЕАЭС. Риск возникает как результат недоверия, как к технологиям, так и к возможностям новой управленческой модели, более прозрачной и исключающей множество посреднических звеньев. Возможными формами противодействия здесь могут быть требование новых компетенций от чиновников и лиц, принимающих решения, а также разработка стратегии борьбы с коррупцией в формате ЕАЭС.

Прогнозные сценарии развития цифровой трансформации

Исходя из вышеуказанных рисков (технологического, временного и управленческого, мы предлагаем выделить три

сценария развития цифровой трансформации ЕАЭС: оптимистический, пессимистический и реалистический.

Оптимистический сценарий предполагает преодоление всех видов рисков и реализацию программы перехода к цифровой экономике в пределах 5-8 лет (в течение срока оптимального устранения цифрового разрыва между развитыми странами и Россией).

Пессимистический сценарий означает, прежде всего, невозможность преодоления технологического и управленческого рисков. Можно предположить, что слабые звенья имеются в сферах как государственного управления, так и бизнеса, и гражданского общества.

В среде электронного государственного управления: невысокое участие в электронных голосованиях за общеинтеграционные законы, нечастое обращение с жалобами и прошениями через интернет. Причина: недоверие к эффективности ЕАЭС, недоверие к цифровым методам участия, сбой в работе.

В среде электронного бизнеса: медленная цифровизация отраслей промышленности и сельского хозяйства, медленное появление новых законов, осознание больших выгод от сотрудничества с цифровыми платформами и компаниями других стран.

В среде гражданского общества: разрыв в объёме и качестве предоставляемых социальных услуг, нерешённость вопроса с пенсионным обеспечением в ЕАЭС, низкое качество предоставляемых цифровых услуг – прежде всего – цифровой медицины и образования.

Следствием в таком случае будет экономическое отставание от ведущих экономик США, ЕС и Китая, постепенное размывание единого экономического пространства ЕАЭС.

Реалистический сценарий означает, что технологические и управленческие риски могут быть преодолены на 50-60% при сохранении временного риска.

Управленческий риск останется при сохранении недостаточного уровня доверия к цифровому управлению и цифровым технологиям в период, необходимый для скорейшей ликвидации цифрового разрыва – 5-8 (до 10-ти) лет. Также скажутся недостаточно высокие темпы цифровизации социальной среды, сфер образования и подготовки кадров.

Технологический риск сохранится в силу уже имеющегося отставания от ведущих стран мира.

Временной риск: цифровой разрыв с развитыми странами существенно сократится, но сохранится в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе.

Наиболее вероятный характер развития реалистического сценария: создание в самые кратчайшие сроки цифровых анклавов – высокотехнологичных отраслей промышленности, умных городов¹⁷, онлайн- медицинских центров и ВУЗов. При одновременном и постоянном совершенствовании цифрового законодательства и социальной политики, направленной на сглаживание диспропорций между жителями высокотехнологичных анклавов и провинции. Развитие этого сценария даст время на сокращение отставания от передовых стран и сокращение цифрового разрыва между анклавами и провинциями. Вероятный риск развития реалистического сценария заключается в сохранении цифрового разрыва между анклавами и провинциями, что повлечет за собой рост социальной напряженности и конфликтов.

¹⁶ Евстафьев Д. Мир анклавов. Риски промышленной революции для Евразийского Союза. - [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://eurasia.expert/mir-anklavov-riski-novoy-promyshlennoy-revolutsii-dlya-stran-eaes/>

¹⁷ Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. Open budget effects for urban development: russia's cases // ACM International Conference Proceeding Series Proceedings. – 2016. – С. 184-188.

Все три указанных сценария, на наш взгляд, являются перспективными направлениями дальнейших плодотворных дискуссий и исследований.

В 2017 году главы государств-членов ЕАЭС приняли решение развивать цифровую экономику каждой из стран не по отдельности, а совместно, создавая новые модели управления и цифровые платформы. Поэтому проведенное исследование обладает высокой степенью актуальности. Мы оценили риски цифровой трансформации на пространстве ЕАЭС и предложили собственные сценарные прогнозы ее развития, которые, безусловно, еще требуют дальнейших исследований.

В целом же, формирование единого цифрового пространства для перспективного развития евразийских интеграционных процессов находится еще только в начале своего пути. Использование ИКТ как инструмента для ускорения и развития интеграционных процессов пока еще носит фрагментарный характер. Тем не менее, представляется важным и своевременным максимально использовать потенциал евразийского интеграционного проекта и объединить усилия государств-членов ЕАЭС в рамках движения к цифровой трансформации своих экономик и построению единого цифрового пространства Евразийского экономического союза.

Пристатейный библиографический список

1. Введение в «Цифровую» экономику // под общей редакцией Кешелова А.В. Кн.1 М., 2017. vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroze-cifrovogo-budushhego.pdf
2. Евразийская экономическая интеграция - 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 88 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasian-studies.org/wp-content/uploads/2017/05/EDB_Centre_2017_Report_43_EEI_RUS.compressed.pdf
3. Евстафьев Д. Мир анклавов. Риски промышленной революции для Евразийского Союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasia.expert/mir-anklavov-novoy-promyshlennoy-revolutsii-dlya-stran-eaes/>
4. Заявление о цифровой повестке ЕЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup>
5. Кто и как управляет развитием цифровой экономики? //Tadviser. Государство. Бизнес. IT. (2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D1%82%D0%BE_%D0%B8_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D1%83%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82_%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5%D0%BC_%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B8
6. Навас-Сабатер Х. Перспективы получения цифровых дивидендов в ЕАЭС (2016). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/2016-10-27.aspx>
7. О порядке проработки инициатив в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%95%D0%9C%D0%9F%D0%A1%20%E2%84%964_%D0%9E%20%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B8%20%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2.pdf
8. Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%BA%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%A6%D0%9F%20.pdf>
9. Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. <http://www.eurasiancommission.org/ru/act>
10. Проектно-аналитическая сессия «Цифровая трансформация экономики ЕАЭС: новые угрозы и источники роста. консолидированная позиция бизнеса». 09-10.02.2017. Отчет (2-17). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Материалы%20для%20изучения/отчет_ПАС_9-10.02.2017.pdf
11. Фархутдинов И.З. ЕвразЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8-9.
12. Фархутдинов И.З. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. – 2008. – № 5. – С. 103-109.
13. Цифровизация экономики // Бизнес и информационные технологии (2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.samag.ru/uart/more/67>
14. Чигарева И. Исторические параллели: цифровая экономика рискует повторить судьбу малого бизнеса // Forbes, 20.06.2017 (2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/biznes/346503-istoricheskie-paralleli-cifrovaya-ekonomika-riskuet-povtorit-sudbu-malogo-biznesa>
15. Beck, U. World Risk Society. Cambridge: Polity Press (1998)
16. Bolgov R., Ermolina M., Vasilyeva N. Open budget effects for urban development: russia's cases // ACM International Conference Proceeding Series Proceedings. – 2016. – С. 184-188.
17. Coase, R. H. The Nature of the Firm // *Economica*, New Series, Vol. 4, No. 16., pp. 386-405. (1937)
18. Galbraith, J. K. Economics and the public purpose. Boston; Toronto; London: Houghton Mifflin Company, 334 p. (1973)
19. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press (1990) http://epistemh.pbworks.com/f/8.%20Institutions__Institutional_Change_and_Economic_Performance.pdf
20. Van Langenhove, L., Costea, A.-N. The EU as a Global Actor and the Emergence of Third Generation' Regionalism. UNU-CRIS Occasional Papers, 0-2005/ 14